

Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 205–208 (Интервью подготовлено редакцией «Самой социологической газеты», периодическим изданием факультета социологии Института социальных наук Одесского национального университета).

ИНТЕРВЬЮ С ЮБИЛЯРОМ

Ирина Марковна, почему именно социология стала главной наукой в вашей жизни? Был ли этот выбор случайным?

И. П.: По образованию я философ, и интерес к философским вопросам совершенно определенно проявился уже в школе. Но в абстрактных философских построениях наиболее интересными для меня были проблемы человека, его жизни в обществе, зависимость людей от общества и их возможность влиять на него. А это, собственно говоря, и есть социология. Последняя, по мнению Питера Бергера, как раз и изучает «человека в обществе и общество в человеке». Приход в социологию, таким образом, был для меня не случайным. Но в том, как это произошло, сыграл свою роль и случай. Я имею в виду непосредственное знакомство с Ю. А. Замошкиным — одним из первых советских участников Международных социологических конгрессов, очень много сделавшим для возрождения и утверждения социологии в СССР. Приезжая в Москву, я всегда встречалась с ним, и наши беседы, а порой и желание с ним поспорить, чтобы отстаивать свою позицию, определили область моих первостепенных интересов.

Как сложилась ваша профессиональная карьера?

И. П.: Карьера складывалась сложно. Основной моей работой было преподавание философии. На первых порах преподавать приходилось на разных факультетах, причем чаще на естественнонаучных — физическом, химическом, математическом. Вынуждена была разбираться в самом различном материале, весьма далеком от социологической проблематики. С одной стороны, это задержало мое становление как социолога, но с другой — способствовало развитию навыков обоснования формулируемых положений, строгости рассуждений и используемых доказательств. Более всего моя преподавательская работа оказалась связанной со сферой социологии, когда я начала работать с историками. Разработка философского курса для

исторического факультета дала очень много и привила вкус к теоретической социологии.

С кем из известных социологов вам довелось учиться и работать?

И. П.: Не знаю, можно ли говорить о «мировой известности», но могу назвать нескольких людей, несомненно известных всем социологам или общественникам, работающим на «постсоветском пространстве», с которыми я либо училась и была дружна, либо так или иначе сотрудничала. К ним относятся «основоположники» советской социологии: российские социологи В. Ядов, А. Здравомыслов, Б. Грушин, Т. Заславская, Ю. Левада, Р. Рывкина, Г. Осипов, И. Кон, Н. Лапин; украинские — В. Черноволенко, В. Оссовский, Е. Якуба. Почти со всеми до сих пор поддерживаю связь. Личная дружба, долгие совместные беседы и тяжкие размышления связывают меня и моего мужа, Л. Курчикова, с Роем Медведевым, одним из первых «общественников» в Союзе, посягнувших на культ Сталина. Его тогда еще рукописную книгу «Перед судом истории» прочитала задолго до XX съезда. Знала лично многих «шестидесятников»: Л. Карпинского, Ю. Красина, Г. Щедровицкого, целиком разделяла их взгляды, настроения и надежды.

Какие качества вы более всего цените в людях?

И. П.: Многие качества отношу к человеческим добродетелям, но превыше всего ценю способность к сочувствию и сопереживанию (в социальной психологии это называют «эмпатией»). Положительным качеством считаю жалость. Вспоминаю стихи Юлии Друниной: «Говорят, что унижает жалость. Кто б меня унизил, пожалев».

Как вам видится сочетание научной и педагогической деятельности?

И. П.: Хорошо, когда область научных и педагогических интересов совпадает. Работа со студентами и аспирантами (оговорюсь, однако: при наличии их заинтересованности и вдумчивости) много дает для уяснения своей собственной позиции и способности убедить в ее корректности других. А это, как известно, важная составляющая научной деятельности и научного общения. Вот только главное условие (заинтересованность и вдумчивость «аудитории»), к сожалению, явление не повсеместное.

Каковы ваши ближайшие научные планы?

И. П.: Очень хочется совместно со своими ближайшими коллегами обобщить и проанализировать результаты опросов населения, проведенных за последние 10 лет в Одессе. Во многом из того, что

произошло, следует разобраться. Но прежде всего нужно понять и объяснить изменения, которые произошли во взглядах и представлениях населения начиная с 1989 года, когда опросы стали проводиться относительно регулярно.

Мечтаю о создании Народного архива в Одессе, где хранились бы дневники, воспоминания, свидетельства жизни простых, «незнатных» людей. Уже второй год я пытаюсь что-то сделать для этого, но пока все безрезультатно, хотя эту идею многие поддерживают. Считаю, что создание такого архива — наш долг перед живущими и уходящими из жизни, а также перед будущим поколением.

На ваших глазах происходило становление отечественной социологии как науки. Не хотели бы вы поделиться своими воспоминаниями об этом?

И. П.: Об этом я могла бы рассказать очень много, поскольку непосредственно была причастна к этому процессу. Но более всего запомнился такой эмоционально пережитый эпизод: летом 1968 года на симпозиуме по структурно-функциональному анализу в Кярику (симпозиум проводился на спортивной базе Тартуского университета в Эстонии) ждали специального решения ЦК КПСС об организации Института конкретных социальных исследований (ИКСИ). Ночью позвонил академик Румянцев и сообщил, что решение принято. В эту ночь никто не спал: пели песни под гитару и ликовали. В то время мы возлагали большие надежды на возрождение социологии.

Удовлетворены ли вы достигнутым?

И. П.: Разумеется, не удовлетворена. Многого из запланированного не сделано, не все надежды оправдались. С годами все отчетливее осознаю личную ответственность за то, что происходит в моей семье (с детьми и внуками) и в моей стране.

Все чаще оглядываюсь назад и думаю о том, что могла бы сделать, но не сделала, а что было сделано не так, как нужно.

Можете ли вы сказать, что ваша жизнь сложилась счастливо?

И. П.: В предыдущем ответе — частично ответ и на этот вопрос. Вообще-то, понятие «счастье» не применимо ко всей человеческой жизни. Лишь отдельные моменты или кратковременный отрезок жизненного пути можно охарактеризовать как счастливые. Причем осознаешь это гораздо позже, когда попадаешь в «несчастливую» полосу. Что касается моей жизни в целом, могу сказать одно — она была сложной (как, впрочем, и все человеческие жизни) и интересной: мне удалось «пересечься» со многими талантливыми и интересными

людьми, быть непосредственным свидетелем и участником многих, как теперь говорят, «знаковых» событий.

Каковы ваши музыкальные и литературные пристрастия? Есть ли книги или музыкальные произведения, сопровождающие вас всю жизнь?

И. П.: Читаю я много и многие литературные произведения люблю, но ни об одном из них не могу сказать, что «оно прошло через всю мою жизнь». Вкусы и пристрастия менялись. Из недавно прочитанных книг, произведших на меня впечатление, назову «Заглянуть в бездну» В. Максимова. Что касается музыкальных пристрастий, то они более определенны и явно выражены: музыку Сергея Рахманинова не просто люблю, а забываю обо всем, когда её слушаю, испытываю такое чувство, будто внутри меня все поет. И это с юных лет и по сию пору. Особенно люблю его концерты для фортепиано с оркестром. Вообще эта музыкальная форма для меня наиболее предпочтительна. С огромным наслаждением слушаю также концерты Чайковского и Аренского, Сен-Санса, Грига, Шопена, Листа.

Какое событие в вашей жизни запомнилось наиболее ярко?

И. П.: Одно событие назвать не могу, но несколько до сих пор вижу совершенно отчетливо. В основном они связаны с переживаниями моих детей и внуков или переживаниями моего детства. Пытаюсь найти их общую основу, я думаю, что особенно впечатляют страдания детей, беззащитных перед неустроенностью или невниманием взрослых. Именно это сильнее всего врезалось в память, оставив глубокий след.

Считаете ли вы себя везучим человеком?

И. П.: Скорее всего, да. Я смогла прожить жизнь в соответствии со своими принципами и, не бедствуя, заниматься интересным для меня делом, сохранив собственную позицию. Во многих, казалось бы, безнадежных ситуациях в конечном счете оказывалась если не победителем, то человеком, сохранившим себя, а главное — свое лицо. Поэтому можно сказать, что я «везучая».

Как часто вам приходилось преодолевать преграды на жизненном пути?

И. П.: Чаше, чем хотелось бы. И основная «преграда», преодоление которой — это и есть моя жизнь, — совмещение моего дела с выполнением семейных функций. Это «раздвоение» было источником постоянного напряжения и мобилизации. Тревога за судьбу моих близких — мужа (с которым мы прожили почти 50 лет), сыновей, внуков — доминирующее чувство и сейчас. Тревога эта и есть та «преграда», которую приходится преодолевать, отдаваясь научной работе.

Причиняли ли вам зло? И как вы относитесь к тем, кто вам его причинил?

И. П.: Разумеется, причиняли. Всегда тяжело переживала это, особенно предательство людей, которых считала соратниками и мнением которых дорожила. Но «зла» на них не держала, во всяком случае, старалась не держать. Точно знаю, что никогда не мстила. Более того — при необходимости помогала (даже если обида оставалась).

Есть ли у вас увлечения?

И. П.: Пожалуй, сейчас сколько-нибудь явного увлечения, не связанного с работой и повседневными обязанностями, нет. Люблю слушать хорошую музыку и во время работы. Музыка мне не только не мешает, она способствует размышлению и пробуждает вдохновение.

Любите ли вы животных? Были ли у вас домашние любимцы?

И. П.: Из животных питаю слабость к собакам — это в значительной мере влияние старшего сына. Но после гибели двух любимых собак у себя их не завожу — боюсь новых потерь, к тому же сомневаюсь в теперешних своих способностях ухода за ними.

Какова ваша главная жизненная цель?

И. П.: Сейчас одна главная цель — оставить о себе добрую память в сердцах людей, чтобы вспоминали «незлым тихим словом».

Ваше самое заветное желание?

И. П.: Если смерти — то мгновенной. Если раны — небольшой.

Ваше отношение к неудачам?

И. П.: Неудачи переживаю тяжело. Недавно мой бывший коллега, называющий себя моим учеником (хотя на самом деле я многому научилась у него), напомнил мне в письме о завете из Екклесиаста, звучащем примерно так: «Боже, дай мне мужество изменить то, что можно изменить; душевных сил принять то, что не в силах изменить; и мудрость отличить одно от другого». Сейчас стараюсь следовать этому завету.

Каково ваше отношение к успехам?

И. П.: Спокойное. Как правило, не обольщаюсь, ибо обладаю значительной долей самокритичности. Более всего опасаясь потерять чувство здравого смысла, способность адекватно оценивать реальность.

Как вы представляете себе будущее социологической науки?

И. П.: Пока не вижу достаточных оснований для предсказания будущего облика социологии. Гадать не буду. Знаю лишь, что будущее социологии во многом зависит от того, каким будет общество, в какой степени и для каких целей социология будет им востребована.

Каким бы вы хотели видеть будущее человеческого общества?

И. П.: А вот каким хотела бы видеть человечество, вполне осознаю. Я в глубине души своей и по убеждению была и остаюсь социалистом. Хотя никакого отношения не имею к одноименным политическим партиям. Это не значит, что я за повсеместную государственную собственность, за всеобщую уравниловку и подавление личной инициативы. Тем не менее, твердо убеждена, что естественное неравенство людей, различие их задатков и заложенных в них возможностей развития не столь велико, чтобы порождать такую пропасть в их материальном жизненном уровне и в качестве их жизни, имеющую место практически во всех современных обществах. Очень хотела бы, чтобы человеческое общество достигло такого состояния, когда «развитие каждого является условием развития всех». Эта формула Маркса (хотя многое из политической его доктрины для меня неприемлемо) лучше всего определяет мои пожелания относительно будущего человеческого общества.

Ваше жизненное кредо?

И. П.: «Не причиняй никому другому того, чего не хотел бы, чтобы сделали тебе». Эти слова часто приписывают И. Канту, хотя В. Виндельбанд не считает их адекватным толкованием знаменитого кантовского императива. Так или иначе, именно этому нравственному правилу стремлюсь следовать в своей жизни. А вот насколько это мне удастся — судить не мне.

Что бы вы пожелали нынешнему поколению социологов и тем, кто собирается ступить на этот путь?

И. П.: Заинтересованности и честности, умения отстаивать свою позицию.